

Ксения Ельцова

Культурная политэкономия постсоветского медийного пространства

**Mass Media in the Post-Soviet World: Market Forces,
State Actors, and Political Manipulation in the Informational
Environment after Communism** / Ed. by P. Rollberg, M. Laruelle.

Stuttgart: ibidem Verlag, 2018. — 446 p. —

(Soviet and Post-Soviet Politics and Society; Vol. 178).

Сборник статей «Массмедиа в постсоветском мире: рыночные силы, государственные игроки и политические манипуляции в информационной среде после коммунизма» под редакцией Питера Роллберга и Марлен Ларуэль представляет собой обзор того, что происходит с медиа как индустрией, политическим инструментом и символической сферой на обширном постсоветском пространстве в 2000—2010-х гг. Таким образом, внимание авторов сосредоточено главным образом на тех изменениях в медиасистемах постсоветских государств, что начались как минимум через десять лет после распада Советского Союза. Книга вышла в 2018 г., а некоторые из составивших ее исследований были выполнены еще в первой половине 2010-х, од-

нако сами рассматриваемые проблемы не только не потеряли актуальности, но и в чем-то стали более актуальными¹.

Согласно Введению, «цель этого сборника — осветить основные тенденции в медиасреде посткоммунистического мира, уделив особое внимание России и постсоветскому пространству» (с. 7)². Как отмечают составители, по сравнению с концом 1990-х — началом 2000-х, когда проблемы медиа в постсоветских государствах вызывали большой интерес в академическом мире и находили отражение во множестве публикаций, в течение 2010-х гг. этот энтузиазм, по крайней мере среди зарубежных специалистов, идет на спад. И дело не в снижении интереса к теме, а в том, что работать с ней и разбираться в устройстве постсоветских медиа

- 1 Например, в свете политического момента лета 2020 г. в России и Беларуси. В России голосование по внесению поправок в конституцию стало одним из главных пунктов новостной повестки, одновременно импульсом и результатом масштабной символической работы, направленной прежде всего на легитимацию вносимых изменений. В Беларуси после объявления итогов президентских выборов вспыхнули массовые протесты — их поддерживали, широко освещали и помогали координировать негосударственные медиа, в последующие месяцы подвергшиеся давлению вплоть до закрытия.
- 2 Здесь авторов Введения можно мягко упрекнуть за «колониальный взгляд»: «постсоветское» они едва ли не приравнивают к «посткоммунистическому», и все это вместе видится гомогенным с точки зрения политэкономии медиа пространством.

все сложнее. Системы становятся все более закрытыми — не только технически, но и концептуально: авторы сетуют на то, что практически невозможно прийти к «сколь угодно длительному аналитическому консенсусу», поскольку объект исследования все более уподобляется «постоянно движущейся цели», траекторию которой под влиянием политических и социально-экономических кризисов, происходящих в минувшие десять-пятнадцать лет во многих постсоветских государствах, становится сложнее не только прогнозировать, но и даже хотя бы фиксировать (с. 8)³. Важность сборника видится составителям именно в том, что на фоне снижения интереса к теме⁴ он содержит в себе анализ ситуации в той или иной стране и одновременно дает ценную возможность сравнительной аналитической перспективы.

Сборник состоит из трех разделов по пять-семь статей в каждом: «Национальные тренды», «Телевидение» и «Социальные сети». На первый взгляд (с точки зрения широты охвата проблематики) такой набор тематических блоков может показаться нерепрезентативным. Однако и структурно, и содержательно статьи образуют собой вполне основательный обзор того, что происходит с медиасистемами, а также с контекстами производства и потребления медийных продуктов в 2000-х, и особенно 2010-х гг., в ряде постсоветских государств⁵.

Статьи объединяет попытка прояснить связь между медиа как инструментом информирования и формирования символической среды, экономическими структурами и политическими режимами — как в выбранном регионе, так и в контексте глобальных тенденций. Важнейшим становится вопрос о том, способствует ли (и если да, то как) максимально свободное от политического и экономического давления функционирование СМИ установлению в том или ином постсоветском государстве демократического режима (или какого-то иного, например авторитарного). Ответ на этот вопрос, как демонстрирует сборник, далеко не так однозначен, как может показаться — и как казалось иностранным, прежде всего американским, медиакомпаниям, пришедшим в начале 1990-х гг. на вновь образовавшиеся постсоветские медийные рынки (с. 13).

-
- 3 Авторы следовало бы четче обозначить методологические предпосылки этого тезиса; можно предположить, что они опираются на методы политологического и экономического анализа. Если руководствоваться принципами критических социокультурных исследований, большая часть которых строится на анализе медиа, то и объект, и предмет здесь изначально полагаются ситуативно и интерпретационно обусловленными, принципиально ускользают от фиксации и какого-либо эссенциалистского описания. См.: *Hall S. The Work of Representation // Representation: Cultural Representation and Signifying Practices / Ed. by S. Hall, J. Evans, S. Nixon. New Delhi, 2003. P. 13–75.*
  - 4 Заметим, однако, что как минимум к российским медиа интерес исследователей в минувшее десятилетие, наоборот, скорее растет. Среди важных (и тоже обзорных и сравнительно-аналитических) исследовательских проектов см.: *Настройка языка: управление коммуникациями на постсоветском пространстве / Под ред. Е.Г. Лапиной-Кратасюк и др. М., 2016; Internet in Russia. A Study of the Runet and Its Impact on Social Life / Ed. by S. Davydov. Cham, Switzerland, 2020; Infrastructure-embedded Control, Circumvention and Sovereignty in the Russian Internet / Ed. by F. Daucé, F. Musiani // First Monday. 2021. Vol. 26. № 5 (<https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/issue/view/693>).*
  - 5 По каким-то причинам в поле зрения авторов сборника не попадают медиа некоторых постсоветских государств — Литвы, Латвии, Эстонии и Молдовы. Узбекистан и Туркменистан упоминаются лишь в сравнительной перспективе — в статье *Наваб-хора Имамова* «Социальные медиа и общественные онлайн-дебаты в Центральной Азии: точка зрения журналиста».

Открывающая подборку статья *Тюдора Влада, Ли Б. Беккера и Джека Снай-дера* «Политика международных рейтингов СМИ» может быть рассмотрена как концептуальное высказывание, фреймирующее интерпретацию всех последующих текстов. В ней сравниваются индексы, с помощью которых «Фридом хаус», «Репортеры без границ» и «Совет международных научных исследований и обменов» оценивают качество медиасистем в разных странах. Авторы сосредоточиваются на одном из ключевых показателей — на свободе прессы / свободе медиа. Они изучают методологию и динамику каждого индекса и отслеживают его значения для постсоветских государств в период с начала 1990-х до 2010 г., а затем сравнивают их с данными ряда соцопросов, которые, как считается, больше учитывают интересы и потребности широкой публики, массового зрителя — в отличие от трех индексов, основанных на мнениях и оценках профессионального и экспертного сообществ. Таким образом, авторы проблематизируют универсальность и точность индексов: они ставят вопрос о том, насколько полно и корректно могут индексы отразить нюансы политических и экономических контекстов, определяющих возможности медиа влиять на ситуацию в стране, а также отмечают, что в ключевом показателе «свобода медиа» необходимо более тонко учитывать влияние новых медийных технологий. Завершается статья рядом тезисов-выводов, сформулированных в форме вопросов: как рост (индекса) свободы медиа влияет на качество медиа и медиасреды? как рост свободы медиа влияет на политическую информированность общества? ведет ли он к формированию более интегрированного или более сегментированного медиарынка? как он влияет на провокационность или радикализм медиаконтента? ведет ли он к консенсусу или к поляризации мнений в обществе? Каждый из вопросов, снабженный кратким резюмирующим комментарием, вместе с тем обозначает проблемы, требующие дальнейшего анализа. Следующие статьи сборника можно рассматривать как попытки ответить на эти вопросы-тезисы, предпринятые представителями разных культур и научных традиций — на разных примерах, с акцентом на разных аспектах функционирования медийных и социальных систем и различными методами.

Наиболее широко в этой панораме представлена тема становления и эволюции — сходств и различий, тенденций и траекторий — медиасистем постсоветских государств. Основным трендом здесь оказывается усиление государственного контроля над всеми сферами, процессами и обитателями медийного пространства. Различия — в масштабах (близкий к тотальному или выборочный контроль), в силе и характере воздействия (прямое политическое давление или опосредованное применение экономических и юридических инструментов) и иногда — в методах. Так, *Мария Липман* в статье «Российские негосударственные медиа под угрозой», *Джонатан Беккер* в статье «Россия и новые авторитаристы»⁶ и *Сара Оатс* в статье «Гласность 2.0» рассматривают этапы, обстоятельства и способы усиления государственного контроля за сферой медиа, в том числе цифровых, в России во второй половине 2000-х — первой половине 2010-х гг. Обращаясь к наиболее громким кейсам — от смены руководства и собственников телеканала «НТВ» и газеты «Коммерсантъ» в начале 2000-х до попыток введения цензуры в рунете в середине 2010-х — авторы прослеживают, как сужалось поле для действий негосударственных медиа и как вместе с тем происходила консолидация медиаресурсов, в том числе самых влиятельных, в руках государства или близких к нему частных владельцев. Исследователи приходят к выводам разной степени пессимистичности. Липман предсказывает дальнейшее усиление контроля за сферой медиа. Беккер,

6 Слово «authoritarians» можно также перевести как «авторитарии» или «сторонники авторитарного правления».

концептуально разделяя «советское посттоталитарное» и «постсоветское авторитарное» отношение государства к медиа, полагает, что «в решающий момент» оставшиеся негосударственные медийные резервации могут снова обрести шанс, как несколько десятков лет назад, повлиять на трансформацию общества и медиа в России в сторону большей свободы высказывания и действия.

Оате же, обращаясь к идее «гласности» как к историческому прецеденту и одновременно метафоре и экстраполируя ее на пространство новых медиа в России 2010-х гг., пишет, что «гласность» в русскоязычных онлайн-медиа проявляет себя скорее как «какофония» мнений и высказываний (с. 345), которая не может трактоваться как свобода медиа, поскольку является результатом недостатка доверия в обществе по отношению к государственным институтам, в том числе СМИ. Тем не менее, отмечает автор, цифровые медиа, и особенно социальные сети, становятся действенным инструментом социальной мобилизации. В этой ситуации возможны несколько сценариев дальнейшего развития и самих цифровых медиа как пространства гражданской и/или протестной активности, и отношения государства к ним: демократизация и предоставление гражданам больших возможностей влиять на политические решения в стране либо усиление контроля за сферой цифровых медиа. Исследовательница прогнозирует намного большую вероятность второго сценария — и предупреждает об опасности третьего: цифровые медиа могут очень успешно использоваться для распространения популистских и националистических идей и настроений.

К гласности как к историческому прецеденту кратко обращается и Беккер, отмечая, что за минувшие с эпохи гласности десятилетия в российском медиапространстве произошел серьезный откат (*tremendous backsliding*) в том, что касается взаимоотношений государства и СМИ (с. 65). Наряду с этим исследователь предполагает, что неоавторитарные способы надзора за медиапространством в России становятся примером и ориентиром для руководителей ряда других постсоветских стран. В частности, он указывает на российскую практику создания «островков свободы» — нишевые медиа со сравнительно небольшой аудиторией, которым государство позволяет высказываться более или менее свободно, по крайней мере на фоне зарегулированности и подконтрольности остальных медийных ресурсов. Подобные «островки» выполняют в/при неоавторитарных режимах витринную функцию независимых медиа, которые всегда можно предъявить миру в ответ на упрек в усилении авторитарных тенденций. Беккер полагает, что к этой практике в минувшие десятилетия обращаются разные постсоветские страны — даже и Грузия в 2003 г., и Украина в 2004 г. (то есть до начала острой фазы геополитических конфликтов с Россией). «Даже» — потому, что ситуация со свободой медиа в Грузии и Украине считается одной из наиболее благополучных на постсоветском пространстве. (О Прибалтике, напомним, в сборнике не говорится.) В этом смысле интересно сопоставить наблюдение Беккера с оценками *Марты Дыжок* в статье «Украинские медиа в контексте глобальной культурной конвергенции» и *Корнелия Какачия, Тамары Патария* и *Майкла Сисера* в статье «Сетевая апатия: грузинская партийная политика и роль социальных медиа». Ракурс в этих двух исследованиях неодинаков, но вопрос о взаимоотношениях государства и медиа остается центральным.

В первом случае обзор и анализ украинских медиа сфокусирован на проблематике идентичности: культурной, социальной, политической и т.п., разные варианты которой конструируют и предлагают (конкурируя за внимание аудитории, финансовые ресурсы и политические дивиденды) различные медийные проекты 1991—2013 гг. В целом речь идет о том, что на протяжении всех постсоветских лет и при всей склонности высших чиновников к авторитарным решениям — прежде всего, когда оказываются затронуты их частные интересы: в пример приводится

печально известное, произошедшее в пору президентства Леонида Кучмы, убийство журналиста Георгия Гонгадзе, который, как считается, погиб, расследуя крупномасштабную коррупцию в правительстве Кучмы — украинские власти все же вели себя относительно либерально по отношению к медиа. Однако подобный либерализм объясняется скорее борьбой политических кланов, в которой не может окончательно победить ни один из них, нежели стремлением и обязательством властей беречь свободу слова. Так, Дыжок пишет о периодах усиления и ослабления цензуры, обусловленных колебаниями политической обстановки в стране в разные годы, а также о наметившемся в начале 2010-х гг. (и обусловленном, по ее мнению, не только волей отдельных политических игроков, но и влиянием глобальных рыночных тенденций) тренде на консолидацию медиаактивов в руках нескольких крупных владельцев при одновременном смещении функций медийных ресурсов от коммерческих к политическим.

Вместе с тем еще два обстоятельства защищали относительную свободу медиа в Украине. Во-первых, на фоне проблем национальной экономики медиа рассматривались как бизнес, который при благоприятной конъюнктуре становился прибыльным, причем настолько, что начинал привлекать государственных чиновников и близких к ним бизнесменов. Последние были заинтересованы в развитии медиа как бизнеса, что подразумевало конкурентную борьбу за аудиторию. Во-вторых, с момента обретения независимости Украина ориентировалась на то, чтобы вписать себя в общеевропейский и глобальный контексты, и одним из важных элементов была здесь открытость страны для иностранных, в том числе западных, медиакомпаний, получавших возможность влиять на формирование в стране соответствующих индустрии и рынка. Начиная с середины 1990-х гг. этот новый украинский медиарынок даже с учетом наследия советской информационной и профессиональной инфраструктуры ориентировался в своем развитии прежде всего на мировые тенденции (которые, впрочем, в большинстве случаев, как замечает автор, все равно приходили «через Россию»), — например, на формат инфотеймента, — и, по возможности, на мировые стандарты, такие как свобода слова и конкуренция в медийном поле.

Фактор ориентации на касающиеся свободы слова ожидания и стандарты западных геополитических партнеров как сдерживающий авторитарные поползновения политиков у власти отмечается и в статье о грузинских медиа. Исследование сфокусировано на стратегиях цифровой коммуникации, к которым обращались политические партии Грузии перед парламентскими выборами в октябре 2012 г.: авторы проанализировали активность одиннадцати партий в интернете — на официальных сайтах и в фейсбуке, а также дополнили эти данные солидным корпусом экспертных интервью со специалистами в области цифровой коммуникации. Таким образом, хотя речь идет о конкретном кейсе, авторы дают информативный и полезный обзор по истории взаимодействия медиа и государства в постсоветской Грузии. Интересны не только результаты анализа, но и то, как авторы оценивают степень и характер свободы грузинских медиа в постсоветский период. Основываясь на концептуализации С. Левитски и Л. Вей⁷, исследователи относят политический режим в Грузии к гибриднему типу «конкурентного авторитаризма». С одной стороны, в нем прослеживаются авторитарные тенденции, с другой — отчетливо присутствуют демократические элементы (политическая конкуренция, многопартийность, плюрализм мнений), и эта комбинация исключает Грузию из категории «классических» авторитарных режимов.

---

7 См.: *Levitsky S., Way L.A. The Rise of Competitive Authoritarianism // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13. № 2. P. 51–65.*

В условиях подобной «гибридности» особенно интересно проанализировать роль и влияние соцсетей на общественное мнение и политическую ситуацию в стране. Авторы приходят к выводу, что в случае предвыборной кампании 2012 г. роль соцсетей сложно назвать значимой, особенно по сравнению с той ролью, какую они сыграли в событиях «арабской весны» 2011 г. или в ходе протестов в России в 2011—2012 гг. Ключевыми причинами этого авторы считают недостаток базовой инфраструктуры — компьютеров и доступа в интернет у населения, например в районах, далеких от столицы, но вместе с тем и неактивное использование соцсетей самими политическими партиями. Последнее объясняется не только пассивностью или отсутствием интереса к новым технологиям, но и страхом слежки, в том числе цифровой, со стороны государства, о которой в Грузии ходили слухи и факт которой подтвердился как раз в ходе парламентской кампании 2012 г. Исследователи также указывали на сходство медиасистем в Грузии и Украине, отмечая, однако, разнонаправленность векторов эволюции: в сторону усиления авторитарных тенденций в Украине и в сторону дальнейшей относительной демократизации в Грузии.

К вопросу о сочетании разных тенденций в отношениях медиа и государства в постсоветских и, пользуясь термином Беккера, неоавторитарных режимах отсылает и статья *Олега Манаева* «Медиа в постсоветской Беларуси: между демократизацией и усилением авторитаризма», посвященная подходу белорусских властей к контролю за медийной сферой с начала 1990-х до середины 2010-х гг. Манаев также классифицирует политический режим в Беларуси (начала — середины 2010-х гг.) как «гибридный», или режим «конкурентного авторитаризма», указывая на его типологическую связь с российским и украинскими вариантами. Следствием и одновременно условием этой «гибридности» автор считает поляризацию взглядов в обществе, элементом которой становится и поляризация сферы медиа — на подконтрольные государству ресурсы, прежде всего телевидение, радио и печатную прессу, и независимые от государства, прежде всего интернет-медиа. Каждому из медийных полюсов — «прогосударственному» или «демократическому» — соответствуют аналогичный полюс общественного мнения (с. 136). Манаев сочетает обзор политико-экономической ситуации и анализ смены ценностных парадигм в постсоветской Беларуси (эту смену автор связывает с приходом к власти Лукашенко) и соотносит их с данными профильных индексов и метрик: индексом доверия, структурой медийного освещения президентских выборов 2010 г., вовлеченностью аудитории и т.п. Ключевым становится вопрос о том, насколько в условиях подобной поляризации негосударственные, продемократически настроенные медиа, в которых, по наблюдениям Манаева, дается весьма категоричная, «черно-белая» оценка событий (и в этом смысле их подход мало отличается от способов работы прогосударственных медиа), могут способствовать демократизации белорусского общества и росту солидарности в нем. Этот вопрос вновь отсылает нас к траекториям проблематизации, заданным в первой статье сборника.

Концепция «гибридного режима» становится опорной и в статье *Барбары Юнисбай, Азамата Юнисбая и Николы Йнг Фрай* «Потребление медиа в постсоветских Кыргызстане и Казахстане: вид снизу». Авторы исходят из следующего наблюдения: после распада Советского Союза оба новых государства можно было классифицировать как страны с «мягким гибридным режимом», впоследствии же пути их политического развития расходятся. Казахстан становится в большей степени авторитарным, власть сосредоточена в руках президента и его ближайшего окружения; Кыргызстан же, наоборот, идет по пути демократизации большинства общественных институтов. Исследователи ставят перед собой задачу выяснить, как это расхождение соотносится с состоянием медиа и их свободой в Кыргызстане и

в Казахстане к началу 2010-х гг. Они обращаются к различным индексам и получают предсказуемый в целом результат: в Кыргызстане индекс свободы медиа выше, разнообразие общественно-политической повестки больше, чем в Казахстане, что отражает более уравновешенное и конкурентное соотношение политических сил и игроков в первом случае. Неожиданным оказывается наблюдение авторов о недостатке критического отношения к государственным медиа — телеканалам и онлайн-ресурсам — у граждан Кыргызстана; люди склонны доверять им, не слишком ставя под сомнение получаемую информацию. Небанален с учетом этого наблюдения общий вывод: при всех различиях в плане политических режимов, структур медиаиндустрии, полноты гражданских свобод и возможностей доступа к информационным ресурсам в Кыргызстане и Казахстане управленческие и манипуляционные эффекты в перспективе оказываются схожими (с. 168).

Это во многом подтверждается статьей *Олены Николаенко* «Медиапотребление и восприятие честности выборов молодежью в Казахстане и Кыргызстане». Автор вкратце описывает контекст: в Казахстане ситуация более авторитарная, но формально число медиаресурсов больше, чем в Кыргызстане. Проведя сравнительный анализ (в частности, методами регрессионного анализа), Николаенко отмечает, что в Казахстане получение информации из интернета положительно коррелирует с недоверием к честности проводимых выборов, тогда как в Кыргызстане такой корреляции нет. Более того, в Кыргызстане городская молодежь склонна больше доверять политикам (но не политическим институтам), чем молодые сельские жители. Наконец, определенную роль в доверии к выборам — и в том, как это доверие опосредовано медиа — играют этническая принадлежность и самоидентификация. Так, в Кыргызстане этнические узбеки доверяют и политикам, и медиа меньше, чем этнические кыргызы. В Казахстане фактор этничности такой роли не играет, при этом там целенаправленно развивается сегмент медиа на казахском языке с целью вытеснить с рынка русскоязычные медиа.

Трансформациям медийного пространства в контексте глобальных экономических тенденций и региональных политических обстоятельств (а также под влиянием цифровизации и развития новых медиа, прежде всего соцсетей) в постсоветских государствах Средней Азии посвящено еще несколько статей сборника. Важен общий знаменатель: с одной стороны, ввиду возможностей обратной связи и свободного высказывания любого индивида (или группы) логики новых медиа принято считать принципиально отличными от логик традиционных медиа; с другой — методы символической манипуляции и государственного контроля за этой сферой близки к тем, что прежде применялись к сфере традиционных медиа, да и влияние рыночных механизмов, как и функционирование финансово-экономических инструментов, оказывается сопоставимым и схожим по последствиям. Авторитарные тенденции в странах региона в перспективе взаимодействия государства и новых медиа рассматриваются в статьях «Сохранение контроля над медиа в условиях консолидированного авторитаризма: сдерживание цифровых медиа в Казахстане» *Луки Анчески*, «Друзья, враги и фейсбук: блокировки интернета в Таджикистане» *Абдулфаттоха Шафиева* и *Маринты Майлс* и «Социальные медиа и общественные онлайн-дебаты в Центральной Азии: точка зрения журналиста» *Навбахора Имамова*. Эти исследования представляют собой сочетание экспертной оценки медиасферы и состояния цифровых медиа в названных странах с методами количественного анализа (доля пользователей цифровых медиа, индексы доверия и вовлеченности в потребление различных типов медиа и т.п.).

Контекстуализация конкретных кейсов дает обзор происходящего в регионе, дополняя и уточняя наблюдения авторов других статей сборника. В частности, одной из ключевых становится тема цензуры в цифровых медиа. Описывается спектр

методов: от прямых блокировок до намеренной, или принудительной деполитизации (forced de-politization; с. 368—369). В последнем случае речь идет о сочетании блокировок и новых законов, позволяющих усилить контроль над цифровыми медиа под предлогом обеспечения безопасности граждан, с выборочной фильтрацией контента и комментариев на оппозиционных медиаресурсах, а также развитием медийных проектов, предлагающих развлекательный контент и тем самым отвлекающих пользователей от политики. В случае Казахстана одним из примеров реакции властей на протесты в Жанаозене в 2011 г. и протесты 2014 г. против девальвации стало формирование прогосударственного блогерского комьюнити для перехвата оппозиционной повестки. В случае Таджикистана описываются «волны» блокировок интернета в начале 2010-х гг., которым равно подвергались за оппозиционность соцсети «Одноклассники» и «Фейсбук», что в контексте российских цифровых реалий кажется неожиданным, настолько различны репутации и политические повестки этих соцсетей в России.

Навбахор Имамов поднимает еще одну важную тему — тему профессиональной идентичности людей, создающих медиа. Он пишет не столько о сложностях работы в авторитарных режимах, сколько о том, что придает смысл журналистской деятельности в этих условиях. Например, о возможности влиять на уровень дискуссии и качество коммуникации, к которой получает доступ все больше жителей региона, или о возможности так или иначе вводить в поле широкой дискуссии сложные и болезненные для общества проблемы, такие как домашнее насилие, этнические конфликты, коррупция и т.п. В целом Имамов оптимистично оценивает демократизирующий потенциал соцсетей для стран региона — в отличие, пожалуй, от остальных участников сборника. Вместе с тем он обсуждает и сдержанность высказываний из-за опасений наказания и репрессий со стороны государства — среди не только журналистов, но и многих пользователей соцсетей. Примеры автора указывают на еще одну важную проблему, вызванную усилением государственного контроля за сферой медиа, — самоцензуру.

Проблеме самоцензуры как особого вида цензуры посвящена статья *Элизабет Шимпфост* и *Ильи Яблокова* «Принуждение или конформизм? Цензура и самоцензура в среде российских медийных личностей и журналистов в 2010-е гг.» Изучив стратегии профессионального поведения и публичные высказывания четырех известных на федеральном российском телевидении ведущих — Дмитрия Киселева, Аркадия Мамонтова, Максима Шевченко и Антона Красовского, а также интервьюируя рядовых журналистов и репортеров «Первого канала», каналов «Россия», «НТВ» и «РЕН ТВ», исследователи отмечают, что как широко известные, так и рядовые журналисты успешно вырабатывают навыки нейтрального, неопасного высказывания. Чтобы избежать совсем уж очевидной пресности, они позволяют себе ксенофобские, сексистские, гомофобские и т.п. реплики и оценки, которые гарантируют бурную (в том числе одобрительную) реакцию аудитории. Кроме того, в профессиональных кругах становится популярным одновременно емкое и расплывчатое понятие «адекватность», которым описывают способность ведущего, журналиста и приглашенных гостей интуитивно и безошибочно оценивать допустимость или недопустимость высказываний (их содержания и тона) с точки зрения его соответствия предполагаемым ожиданиям власти, начальства, аудитории. Фактически исследователи наблюдают еще один, и весьма яркий, пример деполитизации медийного пространства, которая происходит посредством адаптации профессиональных идентичностей к существующим условиям работы.

Тема идентичности, способов ее конструирования и политической инструментализации в телеэфирах становится ключевой еще для нескольких исследований. В статьях *Марлен Ларуэль* «“Русская идея” на маленьком экране: постановка на-

циональной идентичности на российском телевидении» и «В поисках казахскости: телевизионный ландшафт и образы нации в Казахстане», а также в статьях *Петера Роллберга* «Петр Великий, этатизм и аксиологическая преемственность на современном российском телевидении» и «Национальное строительство на малом экране: Астана — любовь моя» показано, во-первых, что идентичность — российская/русская или казахстанская/казахская — преподносится по большей части в виде развлекательного продукта, например телевизионного сериала. Во-вторых, конструирование национальной идентичности в России и Казахстане в 2000—2010-х гг. либо основано на известных и вполне ясно коннотированных образах вроде Петра Великого, либо отсылает ко вновь придуманным героям, например из мифологизированной национальной истории. Результатом подобного конструирования становится репрезентация этатистских ценностей в качестве универсально значимых. По замечанию Роллберга, мы можем наблюдать, как методы прямого идеологического контроля сменяются методами опосредованной индоктринации через развлечения (с. 303—306). Различные варианты идентичности, предлагаемые зрителям, в этом случае становятся одновременно продуктом и политико-идеологическим инструментом. Сравнивая выводы из этих исследований с наблюдениями Марты Дыжок о конструировании идентичности в украинских медиа, можно отметить, что в случае Украины речь идет о большем разнообразии и более высокой конкуренции предлагаемых вариантов: например, наряду с этатистской и националистской повестками предлагается и повестка европейской идентичности (с. 104—107).

В целом сборник дает объемную ретроспективу развития медиа на постсоветском пространстве до середины 2010-х гг. Безусловно, медиа — это сфера, где какая-то часть фактического материала и данных очень быстро устаревает, однако книга будет полезна не только тем, кто интересуется историей вопроса, но и тем, кто хотел бы лучше разобраться в том, как устроены медиа на постсоветском пространстве сегодня, и тем, кто, хорошо зная положение дел в одной из стран, хотел бы больше узнать о ситуации в соседних государствах.

К сожалению, — повторим еще раз, — в сборнике обойдены вниманием несколько стран, также входивших в Советский Союз: страны Балтии и Молдова. Возможно, нехватка места (а объем книги — почти пятьсот страниц) не позволила включить еще несколько статей. Но это отсутствие не отмечается и не аргументируется ни во Введении, ни в какой-либо из статей. Остается попенять составителям на ограниченную репрезентативность обзора. Прибалтийские государства и, с некоторыми оговорками, Молдова считаются постсоветскими странами с наиболее благоприятными для свободы медиа условиями. Включение соответствующих кейсов не только бы расширило панораму обзора, но и обеспечило бы материалом для еще более дифференцированной оценки ситуации.